

УДК 94
ББК 63.3

С. Г. Жамбалова

*доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru*

**Кочевой образ жизни в современном мире:
проблемы традиционализма и модернизации**

В статье на основе анализа достоверных источников исследован кочевой образ жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголов Монголии (Монгол улс), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ), в состав которых зачислены также шэнэжэнские буряты, и буряты России. Здесь намечены тенденции в этнических процессах, протекающих в среде монгольязычных кочевников, проживающих в трёх государствах, переходящих из индустриального в постиндустриальное, в двух из которых, в России и Китае, длительное время дисперсно с оседлыми народами. Экономическая, политическая, социальная специфика контактной зоны в разной мере влияла на дальнейшие адаптационные процессы в мире кочевников. В начале второго десятилетия XXI в. обнаруживаются три модели адаптации монголов к современному миру. Дальнейшее их развитие в весьма далёкой перспективе может просматриваться в виде двух векторов: одна линия – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, вторая – постепенный переход к европеизированному (американизированному) образу жизни. Известно, что дольше всего сохраняются элементы сакрального свойства, иногда даже при полной замене традиционной системы жизнеобеспечения инновациями. Современные монголы Монголии и АРВМ в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни бурят России. Сохранению кочевого образа жизни в успешно модернизирующемся монгольском мире способствует традиционализм с его идеализацией и абсолютизацией традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде. Налицо факт масштабного существования в XXI в. номадизма, он успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия).

Ключевые слова: кочевники, скотоводы, монгольязычные народы, Центральная Азия, образ жизни, традиционализм, модернизация, современность.

S. G. Zhambalova

*Doctor of History, associate professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru*

**Nomadism in the Contemporary World:
Problems of Traditionalism and Modernization**

The article is an answer to A. J. Toynbee's challenge that states the dying of "nomadic civilization." The article is written on the basis of field data and observations made in China, Mongolia and Russia and on the basis of literary and visual sources. It traces the tendencies of ethnic processes in the Mongol speaking nomads environment of the above mentioned three states. Nomads of China, Mongolia and Russia have been passing from industrial to post-industrial society. At the same time nomads of Russia and China for a long time lived with sedentary peoples. Economic, political and social specificity of the contact zone to varying degrees have influenced nomadism. At the beginning of the second decade of the 21st century there are three models of adaptation of Mongolian people to the contemporary world. Their further development in the long-term perspective is viewed in the form of two vectors: retention of nomadism components in contemporary society and gradual transition to Europeanized (Americanized) way of life. The elements of sacred property are preserved longer, even in case of the complete replacement of traditional life-support systems with innovations. The present-day Mongolian people of Mongolia and of the Inner Mongolia Autonomous Region of China largely preserve the traditional culture of life support, which has been departing from the daily life of Buryat people living in Russia. Traditionalism with its idealization and absolutization of tradition, which is practically important, is combined with the highly developed ecological culture aimed at people's caring attitude to the environment, contributes to the preservation of nomadism in the successfully modernized Mongolian world. In fact, we witness the existence of the 21st century nomadism that successfully survives in some areas (Mongolia, China), but gradually disappears in others (Russia).

Keywords: nomads, cattle-breeders, Mongol speaking peoples, Central Asia, way of life, traditionalism, modernization, modernity.

В первой половине XX в. А. Дж. Тойнби довольно образно писал: «Кочевой образ жизни был обречён в Евразии на гибель с того момента в XVII столетии, когда две оседлые империи – Московская и Маньчжурская – протянули свои щупальца по Евразийской степи в различные стороны света» [21, с. 335]. Далее он продолжает, имея в виду кочевников других континентов: «Сегодня западная цивилизация, распространившая свои щупальца по всей поверхности земного шара, завершает истребление кочевников во всех других их древних владениях» [21, с. 336]. Как показало время, исследователь был отчасти прав – кочевой образ жизни, оказавшись в тесном контакте с земледельческой культурой, в определённой степени трансформировался и даже кое-где совсем исчез. В целом же он ошибся – не смог предвидеть запас прочности данного хозяйственно-культурного типа, глубину традиционализма, заложенного в номадах.

В ответ на вызов учёного в последнее время появляются работы, объективно, на достоверных источниках изучающие специфику кочевого мира, в том числе его историю, культуру, состояние и место в современном мире. Исследователи пытаются доказать несостоятельность теории выдающегося историка XX в. относительно «кочевого цивилизации», в их числе Н. Л. Жуковская, А. С. Железняков, Н. В. Абаев и др. [11; 10; 1]. Автор данной статьи разделяет эту принципиальную позицию и пытается внести свою скромную лепту в развитие проблемы.

Цель настоящей статьи – изучение проблем кочевого образа жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголоязычных народов, кочевников-скотоводов Центральной Азии: монголов Монголии (*Монгол улс*), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ), в состав которых зачислены также шэнэхэнские буряты и буряты России.

Основанием для написания статьи послужили полевые материалы, записанные в АРВМ у этнофоров, личностей, владеющих уникальными сведениями о традиционной культуре своего народа: в 2002 г. у монгола Сухэ Батора [9], в 2003 г. у шэнэхэнского буряты Соктын Жамсо [8]. Кроме того, в основе статьи полевые наблюдения, состоявшиеся в АРВМ в течение года, начиная с августа 2002, и в Монголии во время нескольких кратковременных пребываний. В работе использованы литературные и визуаль-

ные источники, в том числе некоторые данные, взятые из документального фильма Л. Мади, Э. и Т. Бланшар «Кочевники Монголии», показанного по каналу «Культура» 25 марта 2011 г.

Следует сразу оговориться, что этнография бурят известна российскому читателю, поэтому представлена в минимальном объёме, а из-за ограниченного объёма публикации конкретные полевые материалы из АРВМ почти не приводятся, но являются надёжным фундаментом некоторых гипотез статьи. Тем более, они опубликованы и доступны для широкого пользования.

Указанные источники – достоверные свидетельства, они позволяют с уверенностью констатировать факт довольно масштабного существования в современном мире кочевого образа жизни. Также они показывают единство и многоликость монгольского мира, который постепенно утрачивается в одних пределах, но успешно сохраняется в других. Утрата основополагающих составляющих традиционной культуры кочевников-скотоводов сухих степей, его хозяйственно-культурного типа с тремя основными подсистемами культуры жизнеобеспечения – жилище и поселения, одежда, пища – асинхронна. Верхняя граница данных бурятской этнографии по «живой» традиционной культуре народа – с большой натяжкой первая половина XX в., в то время как у многих монголов АРВМ и Монголии – это современные реалии. В России бурятоведы по крупицам, часто на основе реминисценций составляют картины былых времен, реконструируют то, что во многих случаях в АРВМ и Монголии факты современной повседневности [8; 9].

В настоящее время в мире, по одним данным, около 10 млн монголов. Почти двадцать монголоязычных народов расселены компактными группами в Азии и Европе: в Монголии – халх-монголы, ойраты, дархаты, урянхайцы, хамниганы, буряты; в КНР – монголы Внутренней Монголии, дагуры, дунсяне, монгоры, баоань; в Афганистане – моголы; в России – буряты и калмыки [20, с. 11]. По другим, устным источникам, записанным мной на одной из конференций в 2010 г., монголов 8,5 млн: в Китае 4,8 млн чел.; в Монголии – 2,6 млн чел.; в России – бурят 315 тыс. чел., калмыков – 96 тыс. чел.; в европейских и американских государствах проживает 150 тыс. чел, большая часть которых калмыки – около 74 тыс. чел. В статье приводятся иногда другие цифры, например, что в Монголии в настоящее время 2,8 млн чел. Эти свидетельства этнодемографических процессов в некоторой степени условны, но в целом

дают общее представление о том, что монголы в начале XXI в. составляют немалую часть населения мира и занимают довольно обширные пространства ойкумены.

Более того, Википедия уточняет и несколько расширяет приведённые данные. В наши дни кроме перечисленных существуют другие этносы и этнографические группы монгольского происхождения, осознающие свою принадлежность и не ассимилированные соседними народами. Относительно крупные монгольские группы имеются в Республике Кыргызстан, в Турции и Афганистане. К этому можно добавить наличие относительно малочисленных диаспор монгольского происхождения в американских (США, Канада – Квебек); европейских (Франция, Германия, Болгария, Бельгия, Испания, Польша, Чехия) и даже в африканских странах, возможно, и в Австралии [18].

В данной статье речь идёт лишь о тенденциях, об этнических процессах в среде монголоязычных кочевников, проживающих в трёх странах, в двух из которых, в России и Китае, длительное время дисперсно с оседлыми пашенными земледельцами, в государствах, переходящих из индустриального в постиндустриальное. Экономическая, политическая, социальная специфика контактной зоны в разной мере влияла на дальнейшие адаптационные процессы в мире кочевников. В начале второго десятилетия XXI в. обнаруживаются три модели адаптации монголов к современному модернизированному миру. Дальнейшее их развитие в весьма далёкой перспективе может просматриваться в виде двух векторов: одна линия – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, вторая – постепенный переход к европеизированному (американизированному) образу жизни. Известно, что дольше всего сохраняются элементы сакрального свойства, иногда даже при полной замене традиционной системы жизнеобеспечения инновациями.

Огромная историография номадизма глубоко и серьёзно рассмотрена в работах Н. Н. Крадина [13]. Для рассмотрения особенностей кочевого образа жизни необходимо остановиться на дефиниции «образ жизни», разработанной этнологами ещё в советское время, как наиболее близкой нашему пониманию проблемы. В данном случае имеются в виду статьи Э. С. Маркаряна и Г. Е. Маркова [16; 17].

Развитие человеческого общества часто рассматривается как следствие качественно особой разновидности адаптивных процессов (адаптивно-адаптирующих), которые в конечном счёте привели к становлению локальных

исторических типов в развитии культуры человечества. Гуманитарные науки выступают с позиций защиты каждой цивилизации и допускают их некоторую эквивалентность, «ибо они относительно по отношению к особой конфигурации условий и проблем, характерных для особых сред обитания человеческих коллективов и тех средств освоения этих сред, которые задаются массивами культурных традиций, присутствующих данным коллективам» [16, с. 28].

При характеристике образа жизни, по мнению Г. Е. Маркова, велико значение этнографических данных, хотя этнические аспекты не могут характеризовать ни образ жизни в целом, ни закономерности его развития [17, с. 246]. Высшим уровнем образа жизни он считает тип жизнедеятельности, который всегда соответствует определённому способу производства. Образ жизни является следствием исторически сложившихся традиций, в числе которых историческая судьба народов, условия среды обитания как части производительных сил, известная специфика менталитета и др. [17, с. 251, 254].

А. С. Железняков предлагает принципиально новое, научно обоснованное рассмотрение роли кочевого монгольского общества в мировой истории. Со слов Н. В. Абаева, «<...> он не просто критикует предшествующих “цивилизационщиков” (как правило, вполне справедливо и аргументировано), но и творчески перерабатывает классические схемы, которые он тоже использует» [1]. А. С. Железняков отмечает, что, несмотря на «сдвиг в сторону некоторой почтительности к историческому творчеству кочевников, к признанию их, пусть не совсем развитой, но всё-таки частью всемирно-исторического процесса», по-прежнему недооценивается вклад кочевников в социально-классовое наполнение истории, в развитие форм государственности, историческое предназначение их существования [10, с. 98].

Несмотря на то, что А. Дж. Тойнби отказал кочевой цивилизации в праве выступать отдельным субъектом истории, нельзя не отметить, что им не раз высказывалась вполне объективная высокая оценка кочевничества. Он пишет: «Жизнь кочевника, в самом деле, представляет собой триумф человеческой ловкости. <...> Чтобы в любое время обеспечить своему скоту пропитание из природной растительности голой и скупой степи, он должен очень тщательно приспосабливать свою жизнь и передвижение к сезонному графику. Фактически *tour de force* кочевого образа жизни требует весьма высокого уровня характера и поведения...» [21, с. 332–333].

Возникнув в конце неолита, номадизм постепенно начал исчезать в XX в. по мере того, как расширялись городские центры и власти на-

чали регулировать и постепенно ликвидировать кочевой образ жизни. Однако в XXI в. часть номадов, в том числе монголы Монголии и АРВМ, несмотря на то, что вполне успешно вписались в модернизирующийся глобальный мир, в силу собственного традиционализма, а также из-за относительной внешней и внутренней изоляции, продолжают вести во многом традиционный образ жизни. Конечно, по большому счёту это только фрагменты, пусть довольно крупные, былого средневекового номадизма.

Из жизни монголов давно ушла древняя социальная иерархия, принцип создания средневековых военных формирований, грандиозные охоты, многие символические культурные ценности, а вместе с ними и соответствующий образ жизни. Выветрился и дух войны, бывший одним из важных компонентов бытия средневековья, в том числе у кочевников. Такая картина характерна для всей ойкумены. Несмотря на ужасные войны XX – начала XXI вв., на планете преобладает пацифизм: мирное дипломатическое решение вопросов в новой и новейшей истории приходит на смену средневековью, эпохе войн и завоеваний.

При всей моей профессиональной ориентированности на традиционализм нельзя не согласиться с А. С. Железняковым, который верно отмечает: «Настало время признать, что в монгольской цивилизации аккумулирован опыт кочевой и оседлой цивилизации, что она не чужда городской культуре, социальному прогрессу, государственности» [10, с. 101]. Принципиально важным для правильного понимания данной статьи, в первую очередь представителями исследуемых монгольских этносов и субэтносов, является следующая констатация: я согласна с отстаиваемым А. С. Железняковым положением – нельзя современное государство, Монголию, соотносить с кочевой цивилизацией; это всё равно, что и все другие цивилизации низводить до уровня, характерного для эпохи первого разделения труда [10, с. 102]. Современная Монголия – это модернизирующееся государство, но имеющее свой взгляд на соотношение модернизации и традиционализма.

17 октября 2011 Эрика Марат, молодой американский эксперт по Центральной Азии, родившаяся в Бишкеке, опубликовала статью «Демократия: почему у Монголии получилось. Островок свободы в океане “несвободных стран”», в которой рассматривает феномен Монголии. В связи с визитами в 2011 г. в Монголию канцлера Германии А. Меркель и вице-президента США Джо Байдена она задает вопрос: «Как стране с населением 2,8 миллиона человек, из которых треть жителей ведёт кочевнический образ жизни,

занимаясь скотоводством, удалось привлечь столь широкое внимание международного сообщества?» [15] Ответ она находит на «карте свободы в мире», составленной американской организацией *Freedom House*, где страна отмечена зелёным цветом, как островок свободного мира, расположенный в океане стран, входящих в категорию «несвободных» [15]. Понятно, что в Монголии не всё так оптимистично, поэтому здесь также уделяется место некоторым проблемам, существующим в современном монгольском обществе.

Богатая событиями история Монголии с XVII в. до настоящего времени, включающая этап жизни в Цинской империи, освободительное движение и 100 лет в условиях самостоятельного государственного формирования, где большую часть, около 70 лет, заняли реформации социалистической истории, внесла определённые трансформации в образ жизни монголов. Монголия как суверенное государство числится в современном реестре стран постсоветского пространства, довольно болезненно вставших на рельсы демократизма и свободных рыночных отношений. За последние десятилетия Монголия вышла из зоны политического влияния СССР незадолго до прекращения его существования и совершила комплексный переход к демократическому государству с рыночной экономикой. Несмотря на объективные трудности, неизбежно сопровождающие периоды модернизации, уже сейчас можно констатировать, что демократия в Монголии состоялась, в отличие от целого ряда стран Азии и Африки [5, с. 123]. Страна борется за выживание в глобальном мире в условиях ускоряющегося времени и лишена каких-либо гео-этнополитических амбиций.

Совершенно верно пишет И. Б. Гармаева о монгольской цивилизации на пороге XXI в.: «Находясь в географическом соприкосновении с тремя великими цивилизациями – русско-православной на севере, сино-конфуцианской на юге, среднеазиатско-мусульманской на западе – Монголия смогла сохранить традиционный и почти нигде уже на планете не встречающийся кочевой уклад. Эта страна с многовековой историей, знавшей периоды небывалых пассионарных взлетов и глубоких упадков...» [5, с. 123]. Сегодня монголам, насколько это возможно в условиях номадизма, при желании доступны многие современные технические, технологические и коммуникационные достижения.

Территория Монголии богата природными запасами меди, молибдена, золота, урана, свинца, цинка, цеолита и др. Здесь выявлены колоссальные запасы угля и имеются перспективы выявления значительных запасов нефти. В послед-

нее время добыча угля, меди и золота стала интенсивно развивающейся отраслью в экономике страны, привлекающей пристальное внимание инвесторов [2, с. 325]. Правительством страны определены пути её развития, стратегические задачи до 2021 г., которые проведут в жизнь комплексную политику национального развития на втором этапе социально-экономического развития и независимости [2, с. 327].

Думается, что модернизация Монголии не погубит номадический образ жизни аратов, а будет способствовать его укреплению и качественному росту, так как высшей целью монгольского общества является уважение и гордость своей национальной историей и культурой, образованность, достижение счастливой жизни в своей стране [2, с. 327].

Авторы документального фильма «Кочевники Монголии», кочевавшие с номадами в течение четырёх месяцев, отмечают, что за годы советской власти пастухи утратили навыки номадизма: запрещалось кочевать за пределами административного района. Монголам пришлось многому учиться заново, чему способствовало знание природно-климатических условий края. В настоящее время они кочуют до 10 раз в год. Более подвижны араты, перевозящие грузы на верблюдах или повозках, в которые запряжены волы или яки. Они достигают плодородных мест весной на Хангае, а на зимовку уходят в Гоби, где происходит встреча родственников – они расселяются довольно плотно на близком расстоянии. В тяжёлые 1990-е гг. значительно, почти в 4 раза, сократилось поголовье верблюдов (забивали на мясо), теперь они вынуждены кочевать на грузовиках, на которых невозможно добраться до хороших пастбищ. В это время многие продали скот и свой скарб и переехали в города, в основном в Улан-Батор, который широкой полосой опоясывают юрты.

Монголия постсоветского времени за довольно короткий срок добилась больших преобразований в социальной сфере. Эти реформы обладают рядом общих и отличительных черт по сравнению с другими бывшими социалистическими странами, в том числе с Россией и странами СНГ. Важно, что особенностью этих процессов является сложное, противоречивое и динамичное переплетение традиционных и современных видов хозяйственной деятельности и образа жизни населения, в том числе оседлого и кочевого, элементов традиционной кочевой и современной постиндустриальной цивилизации [7, с. 60]. Монголия уникальна, по утверждению И. Б. Гармаевой, с которой я вполне солидарна, не только успехами последних десятилетий на демократическом поприще, а, прежде всего,

стремлением сохранить уникальный облик, потому что одним из главных вызовов современности в скором времени будет такая модель глобализации, которая бы сохранила многообразие мира [5, с. 123–124].

Авторы Йоханнесбургского меморандума считают, что если все страны Земли будут развиваться по индустриальной модели, по «западному» стандарту жизни, то произойдёт катастрофа. Особо ценным представляется для определённой части населения планеты развитие по традиционным моделям. Поэтому основная проблема стран с переходной экономикой, в т. ч. экс-коммунистических стран, – выбор пути, одновременно ведущего и к защите природы, и к защите бедных. При этом бедные – это вовсе не те нуждающиеся, которые ждут, когда им дадут пищу. Это граждане, которые испытывают ограничения в виде недостатка политических и финансовых прав, зарплаты и политических рычагов. Ключевым моментом преодоления бедности является предоставление им возможности иметь достойную жизнь здесь и сейчас. В противном случае большинству сельского населения, вероятно, придётся испытать массовое вытеснение с маленьких ферм, потерю средств к существованию и насильственную миграцию в города [12, сс. 18, 19, 22].

Как видно, сохранение кочевого образа жизни у монголов во многом зависит от финансовой стабильности государства и требует довольно серьёзных бюджетных вложений. В противном случае может произойти неконтролируемая миграция степняков в города. Выше указывалось, что эта проблема уже существует. Следует добавить, что образованная амбициозная молодёжь мигрирует в крупные города других государств (Китай, Япония, США и др.), а араты, покидая кочевья в поисках работы, чаще всего оказываются в Улан-Баторе. При этом заложниками взрослой неустроенной жизни нередко становятся дети, будущее страны. В монгольском документальном фильме (он показан в рамках одного из международных мероприятий монгольской стороной по телевидению Бурятии) повествуется об энергичном и жизнерадостном мальчике 9 лет, за гроши работающем извозчиком в Улан-Баторе. После уроков он на конной телеге доставляет с рынка крупногабаритные вещи по адресам по запруженным машинами городским улицам. В поисках лучшей доли вся его семья перебралась в город.

По данным В. В. Грайворонского, в 2000 г. в Монголии было 421,4 тыс. животноводов и 191,5 тыс. их семей, т.е. по прикидкам исследователя, около 80% населения проживало в сельской местности. Эта часть граждан страны зани-

малась кочевым животноводством и вела кочевой или полукочевой образ жизни. В это число также входили другие категории сельского населения – земледельцы, механизаторы, сельская интеллигенция и др. [6, с. 250]. Бесспорно, эта малая часть населения также занимается скотоводством. Налицо высокий процент народа, сохраняющего в начале XXI в. кочевой образ жизни, что само по себе уникально. Это интересно, прежде всего, с точки зрения экологии современной жизни, которая, по мнению многих, находится в критическом состоянии. Есть мнение, что Монголия подошла к открытию новой эры в своей кочевой цивилизации, органично восприняв достижения научно-технического прогресса и вплета их в ткань экологического образа жизни [5, с. 124].

В современном мире особенно остро стоит проблема сохранения традиционной культуры и среды обитания как этноэкологических рефугиумов, убежищ, которые должны иметь статус охраняемых природных территорий, где любая деятельность, не относящаяся к традиционным формам природопользования, запрещается или сводится к минимуму. Сохранение этих участков антропобиосферы является важным условием поддержания разнообразных путей развития человечества во всех природных нишах ойкумены [19, с. 88]. Одним из государств, где возможно безболезненное решение данной проблемы без ущерба общей модернизации страны, могла бы стать Монголия.

По данным С. И. Брука, которые, возможно, устарели, но тем не менее выявляют общую тенденцию развития полиэтничного китайского общества, Внутренняя Монголия и Северо-Восток, являющиеся родиной монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, в 1981 г. на 90% были заселены китайцами, хотя китайская колонизация этих районов приобрела большой размах лишь в последней четверти XIX в. С конца 1950-х гг. с целью скорейшей ассимиляции национальностей, а также в военных целях начинается массовое переселение китайцев в окраинные районы [3, с. 462]. По данным Википедии, в 2004 г. в АРВМ проживало около 23,84 млн чел., в том числе 49 национальных меньшинств, совокупно составляющих всего лишь около одной пятой её жителей. Одним из них на собственной земле стали монголы. Основное население в настоящее время – китайцы (*хань*). Согласно переписи 2000 г., в АРВМ монголов 3995, 349, что составляет 17,13 % от общего числа населения [4].

В. В. Грайворонский отмечает: когда идёт речь о сельском населении АРВМ КНР конца XX в., то оказывается, что по численности

и этническому составу в нём преобладали не монголы-животноводы, а китайские крестьяне-земледельцы. В 1999 г. численность монголов АРВМ КНР составляла 3,57 млн чел., или немногим более 15% от общей численности населения автономного района (23, 6 млн чел.) [6, с. 251]. Далее он приводит следующие интересные данные. Абсолютное большинство монголов, проживающих во Внутренней Монголии, занято в традиционном виде хозяйственной деятельности – животноводстве. В конце 1990-х гг. во Внутренней Монголии насчитывалось 420 тыс. семей животноводов, или в 2 с лишним раза больше, чем в Монголии. В период 1978–1999 гг. поголовье скота в АРВМ выросло с 10,3 млн голов до 74,4 млн, или более чем в 7 раз, что «свидетельствует о впечатляющих успехах в развитии этой традиционной нестабильной консервативной области» [6, с. 251]. При этом он не акцентирует, а это важно для данной статьи, что в большинстве случаев речь идёт не о стойловом животноводстве, а кочевом или полукочевом скотоводстве [6, с. 251]. Это подтверждают мои полевые наблюдения и полевые материалы 2002–2003 гг.

Во время работы в Китае я наблюдала, что монголы в АРВМ проживают как компактными группами, так и дисперсно с китайцами. Поэтому побывала в непохожих местах: там, где живут только монголы; монголы и китайцы; китайцы и монголы. Для страны характерна различная степень ассимиляции монголов преобладающим народом *хань*. Её глубина коррелируется длительностью и близостью проживания и процессами трансформации, которые происходят в повседневной жизни, как под влиянием экзогенной культуры китайцев, так и по причине общемировой глобализации и модернизации. Процесс усугубляется тем, что ассимиляция происходит в пределах одной расы.

В то же время следует отметить уникальный феномен Китая: удивительное сосуществование в современной повседневности модернизации и традиционализма. Последнее проявляется в сохранении ядра традиционной культуры национальных меньшинств страны, в т. ч. например тюркоязычных казахов, киргизов, уйгуров, а также монголов, утраченного в пределах других территорий расселения народов. В самом начале 1990-х гг. я видела в центральном музее Алматы растерянных казахов, репатриантов из Китая, которые подобно индейцам в Америке показывали свой сохранившийся кочевнический быт казахам СССР. Многие из них тогда выражали желание вернуться в Китай – современный Казахстан был им непонятен. Известно, что казахи Монголии также не стремятся к репатриации.

При самом поверхностном изучении монголов Китая, по моим наблюдениям, можно выделить три условные группы, сформировавшиеся в результате длительных этнических процессов: кочевники-скотоводы, сохранившие традиционный образ жизни, язык, обычаи, обряды, религию, насколько это возможно в начале XXI в.; оседлые земледельцы с этническим самосознанием монголов и китаизированным монгольским языком; монголы, формально сохраняющую данную этническую принадлежность для пользования льготами нацменьшинств, которые в Китае довольно существенны.

Один из критериев данной типологии – соотношение знания родного и китайского языков: первая группа не знает или плохо знает китайский; вторая лучше владеет китайским; третья монгольского языка не знает. Группа шэнхэнских бурят, зачисленных монголами, относится к первой группе. Недостаточно владея монгольским, они говорят на бурятском языке, что затрудняет их социализацию за границами диаспоры. Многие представители монгольской молодежи АРВМ предпочитают дальнейшую социализацию в японской среде – они утверждают, что японский язык дается им намного легче китайского. Некоторые шэнхэнские буряты возвращаются на родину, в Бурятию или Забайкальский край. Известно, что китайское правительство поощряет миграцию и упрощает правила выезда из страны, поэтому миграционные потоки и китайские диаспоры, а также монгольские, во многих странах увеличиваются с каждым годом [14, с. 100, 99].

Важно, что для монголов АРВМ языком общения в повседневной жизни в начале XXI в. остаётся монгольский язык в его устной и письменной форме (старомонгольская письменность). Жители Монголии лучше знают современный письменный монгольский язык на кириллице, хотя всемерно стремятся возродить для общего пользования вертикальное монгольское письмо.

В жизни кочевников Монголии много проблем социально-экономического характера. Это особенно заметно при сравнительном анализе изменений уровня жизни аратов АРВМ и Монголии, «принадлежащих одному монгольскому этносу, но проживающих в двух соседних независимых суверенных государствах, в условиях различных политических систем и путей реформирования бывшей социалистической системы в рыночную <...>» [6, с. 250], с 1978 по 2000 гг.

Исследователь приходит к следующим выводам: за исследуемый период выросли реальные доходы, улучшилась структура расходов, повысился жизненный уровень аратов. В Китае

аграрные социально-экономические преобразования носили более эволюционный планомерный характер, поэтому величина среднедушевых денежных доходов животноводов АРВМ почти в два раза превышает показатели Монголии. Несмотря на существенные положительные сдвиги в улучшении материального благосостояния животноводов в обеих странах, основная масса этих сельских тружеников живет на грани или ниже международной условной черты бедности – одного доллара на человека в день [6, с. 258–259]. Учитывая стремительный рост ВВП Китая, думается, этот разрыв будет расти.

Что касается бедности, нужно иметь в виду, что скотоводы-кочевники Монголии и АРВМ ведут почти натуральный тип хозяйства, закупая в магазинах, это показано в документальном фильме «Кочевники Монголии», из продуктов питания в основном муку, сахар, соль и сладости. Голод пока не грозит монголам. Зато, как показано в фильме, существуют экологические проблемы, обусловленные нарушением баланса в видовом составе скота.

Резкий рост поголовья коз с кашемировым тонким шелковистым пухом – из-за его рентабельности: 1 кг, который можно собрать с двух коз, стоит 30 тыс. тугриков – угрожает степной экосистеме. В отличие от овец и других домашних животных степей Центральной Азии, козы выдёргивают траву с корнем, что, со слов авторов фильма и их информантов, способствует быстрому опустыниванию степи – 10% в год. Кочевники замечают, что меняется климат, земля опустынивается – всё это приводит к уменьшению поголовья скота. Один арат говорит в фильме, что из-за всех этих проблем и желания молодежи более лёгкой жизни кочевничество продержится еще лет 30, а затем, наверно, появятся фермы и конюшни.

Не знаю, насколько прав информант. Возникает вопрос, поглотит ли модернизация традиции монгольского кочевого образа жизни в течение ещё одного поколения? Найти правильный ответ трудно. Считаю необходимым привести цитату из работы А. С. Железнякова: «Сохранение монокультурного характера сельского хозяйства Монголии не является отрицанием прогресса, оно лишь определяет её положение в качестве специфического экологического и демографического анклава в центре Азии со своим собственным вектором технического и цивилизационного развития и в конечном итоге выступает условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды» [10, с. 102]. На мой взгляд,

такое обоснование номадизма в модернизирующемся глобальном мире создаёт позитивный прогноз уникальному феномену XXI в.

Анализ довольно широкого круга источников позволяет прийти к следующим выводам. Современные монголы Монголии и АРВМ безусловно в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни бурят России. Сохранению кочевого образа жизни в модерни-

зирующемся монгольском мире способствует традиционализм с его идеализацией и абсолютизацией традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде. Налицо факт масштабного существования в XXI в. номадизма, он успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия).

Список литературы

1. Абаев Н. В. Рецензия на: А. С. Железняков. Монгольский полис политического устройства мира. М. : Институт социологии РАН, 2009. 272 с. // Научные исследования Тувы. 2009. № 3: [электронный информационный журнал]. URL : <http://www.tuva.asia>.
2. Бадарч Б. Новые просторы экономического развития Монголии и их связи с сибирским потенциалом // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всерос. науч.-теор. конф. Иркутск: Изд-во Вост. Сиб. гос. акад. образ., 2010. С. 322–327.
3. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М. : Наука, 1981. 880 с.
4. Внутренняя Монголия [Электронная энциклопедия]. URL : www.ru.Wikipedia.org/wiki.
5. Гармаева И. Б. Монгольская цивилизация на пороге XXI в. // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 120–126.
6. Грайворонский В. В. Сравнительный анализ изменений в уровне жизни животноводов Монголии и Автономного района Внутренняя Монголия /КНР/ в 1978–2000 гг. // Mongolica, 2005. Vol. 16 (37). С. 249–260.
7. Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере Монголии (1990–2005 гг.) // Summaries of Congress papers. Ulan-Bator, 2006. С. 60.
8. Жамбалова С. Г. Рассказ шэнэхэнского бурята Соктын Жамсо // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 241–249.
9. Жамбалова С. Г. Сюжеты единства и многоликости монгольского мира // Глобализация и монгольский мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 348–355.
10. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. 272 с.
11. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учеб. пособие. М. : Вост. лит., 2002. 247 с.
12. Йоханнесбургский меморандум. Справедливость в хрупком мире. Меморандум ко Всемирному саммиту по устойчивому развитию. Фонд им. Генриха Бёлля. М., 2002. 86 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
14. Ларин А. Г. Круглый стол в ПДВ. Меняющийся Китай в меняющемся мире // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 46 – 123.
15. Марат Э. Демократия: почему у Монголии получилось. Островок свободы в океане «несвободных стран» [электронная газета]. URL : www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy – 2011.–10–17–131993988. Html.
16. Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М. : Наука, 1985. С. 7 – 30.
17. Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М. : Наука, 1985. С. 244–261.
18. Монголия [Электронная энциклопедия]. URL : www.ru.Wikipedia.org/wiki.
19. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1988. № 5. С. 83–94.
20. Нимаев Д. Д. Бурятские диаспоры // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 9–20.
21. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М. : АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.